

УДК 903.22

DOI: 10.17223/2312461X/21/10

БУДДИЙСКИЙ РИТУАЛЬНЫЙ КИНЖАЛ ПУРПА

Нонна Геннадьевна Альфонсо

Аннотация. На основе обстоятельного рассмотрения имеющейся историографии автор выявляет ряд недостаточно проработанных аспектов анализа кинжала пурпа, одного из наиболее энигматичных ритуальных атрибутов северного буддизма. Обращение к коллекциям Государственного музея Востока и опубликованным текстам, в том числе ритуальным, позволило детально представить форму и иконографию кинжалов и уточнить предназначение и способы их использования в ритуальной практике. Будучи рассмотренными в едином ключе, все представленные материалы дали возможность высказать сомнения в обоснованности версии индийского происхождения ритуальной практики пурпа.

Ключевые слова: ритуальный кинжал, пурпа, пурбу, ваджраяна, бон, шаманизм, Падмасамбхава, Дунхуан, *kīla*

Введение

Буддизм ваджраяны (санскр. «алмазная колесница») – одно из направлений северного буддизма, в широких кругах более известен как тибето-монгольский или тантрический буддизм. Зародившись в Индии, эта форма учения в середине VII в. проникает в Тибет, отсюда в XVI в. распространяется по территории Монголии и далее в XVIII в. – среди бурят. Ваджраяна – это сложная система сокровенных учений тантр, йогических и созерцательных практик, а также мистических таинств и обрядов, неотъемлемой частью которых являются ритуальные атрибуты.

До настоящего времени в исследованиях, посвященных буддизму, сравнительно редко затрагивается вопрос о формировании ритуальной практики буддизма вообще и такого богатого в отношении культа северного буддизма в частности. Явно прослеживается тенденция поиска источников буддийской ритуальной практики в древнеиндийских ритуалах и культовой символической. На мой взгляд, без учета истории и специфики религиозной жизни древней Индии, а также особенностей места, где получил распространение тот или иной культ, такой подход может вести к принципиальным ошибкам. Ярким примером в этом отношении является полемика относительно ритуального кинжала *пурпа*. В настоящее время культ пурпа не имеет широкого распространения среди буддистов. Тексты, связанные с этим атрибутом, относятся к ряду тайных тантр, а буддийские учителя крайне неохотно дают пояснения по всем вопросам, касающимся магического кинжала.

Историография

Изучение этого предмета началось сравнительно недавно. В отечественной историографии нет публикаций, посвященных культуре *пурпа*, а среди зарубежных авторов это оружие вызывает жаркие споры о его происхождении, терминологии и иконографии составных элементов; даже по поводу его названия нет единого мнения.

Тибетский термин «*phur-ra*» переводится как: 1) гвоздь, колышек и собственно 2) магический трехгранный кинжал (для изгнания злых духов) (Рерих 1986: 46). Санскритское соответствие – *kīla* или *kīlaka* – также обозначает «колышек или клин», но в известных мне санскритских словарях перевод этих терминов со значением «магический кинжал» не встречается. Другое тибетское слово, которое довольно часто употребляется для названия данного кинжала, – «*phur-bu*», что, согласно словарю Ю.Н. Рериха, помимо первых двух значений, также значит «Юпитер», «Венера», и, кроме этого, служит эпитетом Ишвары¹. Следует отметить, что второй слог этого слова, «*bu*», переводится с тибетского как «дитя, сын». На этот нюанс обращает внимание Джон К. Хантингтон – американский исследователь, автор первого фундаментального труда по иконографии *пурпа* (Huntington 1975). Он писал, что слово «*phur-ra*» фактически используется для обозначения кольев, к которым привязывались веревки при установке палатки. А слово «*phur-bu*» буквально следует переводить как «сын *phur*»². Кроме того, смысловая интерпретация слова «*пурбу*» указывает на связь этого предмета с наконечниками стрел и тем самым намекает на способность этого оружия действовать на расстоянии (1975: 1–2).

По форме рукояти и навершия кинжала Дж.К. Хантингтон выделяет семь типов *пурпа*, причем почти в каждом из них есть еще несколько подтипов. В итоге определить четкие критерии классификации этого ритуального атрибута по внешним признакам автору не удалось. Кроме того, в отдельные главы выделены непальские и китайские *пурпа*, а также кинжалы, относящиеся к традиции *бон*³. К сожалению, в данной работе никак не объясняется стилистическое разнообразие, которое характеризует именно этот ритуальный предмет. Вопросы происхождения и областей применения *пурпа* также остаются вне сферы интересов автора. Между тем именно регион, равно как и сами ритуальные практики, где использовались такие кинжалы до распространения буддизма в Тибете, и являются основным предметом спора в современной историографии.

Томас Маркотти, немецкий этнолог, опубликовал переводы нескольких текстов из руководства для практиков *пурпа*; кроме того, ему удалось сделать описание ритуала с использованием *пурпа* и сфотографировать происходящее во время службы (Marcotty 1987). Классифика-

цию кинжалов этот автор проводит по их предназначению: как объект поклонения, для пассивной магии и для активного магического воздействия. Т. Маркотти считает, что культ пурпа был введен в буддийскую ритуальную практику индийским учителем Падмасамбхавой (VIII в.), а точнее, что Падмасамбхава «усовершенствовал» тибетские ритуалы с кинжалом для нужд буддийской общины. Относительно происхождения этого ритуального атрибута Т. Маркотти поддерживает мнение Зигберта Хуммеля о его шумерских корнях (Marcotty 1987: 12–13).

Версию индийского происхождения ритуальной практики пурпа развивает в своих трудах английский исследователь культа Ваджракилы Мартин Дж. Бурд, долгое время обучавшийся у буддийских учителей школы ньингма⁴. В качестве основного исторического источника в своем исследовании автор использует тексты тибетских тантр (The *Byang-gter Vajrakīla Tantras*), а также ссылается на археологические находки А. Стейна (Stein) на севере Дуньхуана (Boord 1993).

В своем анализе названия ритуального кинжала М. Дж. Бурд сосредоточивается на вопросе, почему в тибетской литературе для пурпа используется санскритское слово «kīlaya» (с долгим или коротким «и»), и объясняет это тем, что в мантрах обращение к Ваджракиле звучит в дательном падеже (*namo vajrakīlaya* – букв. «слава Ваджракиле»), и таким образом у незнакомых с грамматикой санскрита тибетцев вошло в обиход название Ваджракилая вместо Ваджракила и соответственно kīlaya вместо kīla (Boord 1993: 5). Вполне возможно, что с именем тантрического персонажа Ваджракила такая замена имела место, но зачем тибетцам усваивать новый искаженный термин, если в тибетском языке существует свое точное название этого предмета? Остается непонятным и то, на каком основании магическое оружие Индры – ваджра, с помощью которой он победил змея Вритру (один из самых ярких сюжетов гимнов Ригvedы), отождествляется М. Бурдом с kīla (1993: 39).

По поводу основных доктрин и ритуалов Ваджракилы М. Бурд приходит к выводу, что все они происходят из Индии и восходят к деревянному шипу, который использовался при разметке границ, а в ведическом ритуале наделялся способностью отгонять злых духов (Boord 1993: 223). Ссылаясь на содержание трактата с комментариями на практику kīla, так называемые Черные сто тысяч (*Phur 'grel 'bum nag*), автор утверждает, что основой культа Ваджракилы является учение, выработанное тремя учеными: Падмасамбхавой, Вималамитрой и Шиламанджу, которые объединили и систематизировали буддийскую философию, тантрическую йогу и черную магию деревенских колдунов. «Красиво измененная [ими] с точки зрения теории и практики, эта божественная схема медитации и волшебства была передана впоследствии в Тибет и настолько укрепилась там, в качестве религиозной практики... что многие преды-

душие авторы по Тибету предположили, что *kīla* культ, действительно, тибетского происхождения» (Boord 2002: xiii).

Эту концепцию М. Бурд развивает и в последующих своих трудах (Boord 2002, 2011, 2013). Он также отмечает, что не сохранилось никаких индийских текстов, связанных с формированием культа Ваджракилы (2002: xiv). Да и вообще в огромном массиве древнеиндийской литературы М. Бурду удалось обнаружить лишь один фрагмент, где описывается обряд, связанный с изготовлением магического предмета в виде клинка, отдаленно напоминающего кинжал пурпа – в трактате Каутильи «Архашастра» (III в. до н.э.) (Bord 2002: 3). Иконография и собственно пурпа как ритуальный предмет автором не рассматриваются.

Известный немецкий тибетолог и буддолог Герберт Гюнтер (1917–2006) оценил труды М. Дж. Бурда как «необходимые и запоздалые» в исправлении давнего «искажения исторических фактов» относительно тибетских корней ритуальной практики пурпа (Guenther 1997: 620–621).

Все последующие исследователи приняли эту установку как уверенно доказанный факт. Так, Роберт Бир (Beer), известный художник и исследователь буддийской живописи и символики, не подтверждая, впрочем, свои утверждения никакими источниками, в статье, посвященной ритуальному кинжалу, пишет, что *kīla* происходит из Индии периода Вед – это кол или столб, к которому привязывали домашний скот либо жертвенных животных (Beer 1999: 245). Хотя так поступали по всему миру и во все времена, но почему-то только индийским кольям Р. Бир придает особое сакральное значение.

Большой объем нарративных источников, связанных с культом пурпа, ввели в научный оборот английские ученые Кэти Кантвелл (Cantwell) и Роберт Майер (Maeyer), которые перевели и опубликовали ряд тибетских рукописей, обнаруженных в пещерах Дуньхуана (Cantwell, Maeyer 2008). Основная масса найденных документов датируется, по мнению авторов, концом X – началом XI в. Для публикации они отобрали тексты, которые, так или иначе, имели отношение к традиции пурпа. Сравнительный лингвистический анализ документов позволил авторам установить факт сохранения практики пурпа почти в неизменном виде в современной традиции школы ньингма. Собранный материал оказался настолько обширным, что вполне логично привел исследователей к постановке вопроса о причинах такой популярности и столь широкого распространения «индийского» культа *kīla* на ранних этапах проникновения буддизма в Тибет. В качестве ответа Кантвелл и Майер предложили перечень из девяти довольно спорных, на мой взгляд, общих для Южной Азии и Тибета культурных и социально-политических явлений, которые способствовали быстрой адаптации индийской практики *kīla* к местным условиям. Сосредоточившись на переводах и комментариях к собранию текстов из Дуньхуана, Кантвелл

и Майер оставили без внимания материальные памятники и современные этнографические исследования в этой области. В частности, можно было бы привлечь чрезвычайно богатый фактологический материал из иллюстрированного издания «Шаманизм и Тантра в Гималаях» (Müller-Ebeling, Rättsch, Shahi 2002). Его авторы – этнолог и искусствовед Клаудия Мюллер-Эбелинг, этнофармаколог Кристиан Рэч и художник икон тхангка Сурендра Бахадур Шахи, благодаря сопровождению гиданеварца практикующего шамана Мохана Кумара Рэя, имели возможность наблюдать на месте и фиксировать обряды и ритуалы, характерные для разных этнических групп Непала, беседовать с шаманами, использующими в своей практике кинжалы пурпа, и записывать их пояснения. С некоторыми выводами и комментариями авторов данной работы не всегда можно согласиться⁵, но обращение к этой публикации позволило бы сравнить современные шаманские культы пурпа с использованием кинжала в буддийской ритуальной практике и выявить их возможный источник происхождения.

Как следует из обзора научной литературы, посвященной кинжалу пурпа, на сегодняшний день нет разработок, где учитывались бы все возможные аспекты этого атрибута. Совершенно недостаточно изучены материальные образцы пурпа, а также основные сферы использования кинжалов в ритуальной практике. Ниже я попытаюсь восполнить эти пробелы на материалах коллекции кинжалов пурпа Государственного музея Востока (г. Москва) с привлечением соответствующих ритуальных текстов.

Форма и иконография кинжалов пурпа

В мировых музейных собраниях нет крупных коллекций кинжалов пурпа, поскольку это главным образом «рабочий» инструмент, с которым его владелец расстается лишь при крайних обстоятельствах. Тем не менее существует достаточно большое количество публикаций этих предметов из разных источников, что дает возможность всесторонне исследовать их структуру и внешние особенности, а также прояснить некоторые вопросы символического наполнения этих предметов.

Характерная особенность пурпа как ритуального атрибута – это чрезвычайно разнообразие их форм; несмотря на строгую каноничность буддийского искусства, крайне редко можно встретить идентичные экземпляры этого предмета. В собрании Музея Востока имеется восемь предметов, относящихся к ритуальным кинжалам пурпа. Их происхождение определяется по большей части как тибетское, по одному экземпляру приобретено в Непале, Монголии и на территории Забайкальского края. Самые ранние образцы относятся к XVIII в., поздние – к середине XX в.

Исследование материальных объектов показывает, что практически не существует никаких пропорциональных соотношений между размерами составных частей пурпа. Их длина может варьироваться от 4–5 см до 2 м (Meredith 1967: 238). Разнообразны и материалы, используемые для их изготовления, – это сплавы на основе меди или железа, дерево, кость, стекло. Иногда для отдельных деталей пурпа могут быть применены разные металлические сплавы. Дж.К. Хантингтон и Т. Маркотти отмечают, что для клинка кинжала предпочтительнее железо метеоритного происхождения как обладающее особыми мистическими свойствами (Huntington 1975: 5–6; Marcotty 1987: 25–27).

Пять кинжалов из музейной коллекции изготовлены из металлических сплавов; два образца – деревянные (инв. № 20108 I, 17242 III) и один, самый маленький (дл. 7,5 см), вырезан из слоновой кости (инв. № 6487 II). Наиболее крупный образец имеет длину 43,5 см (№ 17242 III).

Что касается иконографических особенностей, то три пурпа из металла имеют в целом довольно типичную форму, характерную для этих предметов. К редким образцам сочетания тонкой художественной резьбы и гармоничной сбалансированной формы, что придает кинжалу вид скульптурного изображения, можно отнести деревянный пурпа № 20108 I (рис. 1).

Основной отличительный признак кинжалов пурпа – это наличие трехгранного лезвия, грани которого могут располагаться симметрично относительно друг друга под углом 120 или 90, 90 и 180 градусов и, в зависимости от способа изготовления, иметь на горизонтальном срезе форму треугольника со слегка выпуклыми или вогнутыми гранями, трехлучевой звезды или Т-образную форму.

Грани клинка бывают гладкими (инв. № 17242 III), но чаще всего на них изображены переплетенные пары змей или одна змея на каждой стороне, образующая петлю со своим хвостом, как, например, на образце № 6137 I. В современной буддийской трактовке тройное лезвие клинка символически отображает преодоление трех ядов: невежества, страсти и ненависти, и, кроме того, представляет контроль над тремя временами – прошлым, настоящим и будущим (Beer 1999: 247). Семантика змей-нагов также вполне ясна: наги – обитатели подземного мира, и именно против их вредоносной сущности направлено острие клинка. В качестве гарды над тремя лезвиями в большинстве случаев помещена голова макары (тиб. *chu sgin*) – мифического животного, связанного с водной стихией. Относительно его символики Дж.К. Хантингтон пишет, что учителя школы гелук⁶ относят эти вопросы к области тайных знаний, но в общих чертах почти обязательное присутствие головы макары на клинке пурпа объясняется тем, что «оно было самым могущественным существом в мировом океане, и его сила передается эффекту пурпа. Фактически макара является космогенетическим источником

живой энергии младших божеств мира духов» (Huntington 1975: 6). В редких случаях вместо макары на вершине клинка может быть голова птицы гаруды⁷, известного противника змей в буддийской и индуистской мифологии. Иногда определить, кому принадлежит голова существа на клинке, бывает довольно сложно.

Рис. 1. Кинжал пурпа. Тибет. XVIII – начало XIX в.
Дерево, резьба, роспись, дл. 31,5 см. ГМВ № 20108 I

Следующая деталь – рукоять кинжала, которая может быть резной, граненой, гладкой или же состоять из нескольких простых или слож-

ных геометрических фигур, иметь форму ваджры или сдвоенных лотов, а кроме того, представлять собой тело или туловище божества или духа. Характерная деталь рукояти пурпа – это два или одно кольцо или два переплетенных узла на нижнем и верхнем концах ствола.

И, наконец, навершие на ручке кинжала, где наблюдается еще большее разнообразие форм – от простых объемных фигур до сложных зоморфных или антропоморфных изображений. До настоящего времени никто так и не дал определения и не разработал какую-то классификацию персонажей, изображаемых на навершии пурпа. По сути, согласно традиции школы гелук, «божество, представленное на орудии пурпа, всегда является [божеством] Пурпа, независимо от скульптурного изображения» (Huntington 1975: 5). То есть божественная энергия, заключенная в ритуальном кинжале, может принимать различные визуальные формы. Среди образцов пурпа, которые сохранились и используются в ритуальной практике ваджраяны на сегодняшний день, наиболее часто встречаются кинжалы с навершием в виде трех антропоморфных голов с гневными выражениями, причем каждый лик наделен особыми мимическими чертами: мы видим обнаженные клыки, высушенный язык, закусенную нижнюю губу. В коллекции ГМВ имеется три подобных кинжала из металла (инв. № 6137 I, 17452 I, ГМВ КП 51646). По своим иконографическим признакам такое трехликое божество идентифицируется как Хаягрива (санскр. «лошадиная шея»; тиб. *gta-mgrin*). Отличительным знаком этого персонажа является наличие миниатюрного изображения лошадиной головки (или трех голов) в прическе либо на макушке божества. Образ Хаягривы имеет довольно богатую мифологическую историю. Одним из основных аспектов его деятельности считается покровительство лошадям, а его собственное грозное ржание обладает способностью отгонять злых духов. Вполне естественно, что среди кочевых народов этот образ должен был приобрести особую популярность. С другой стороны, в буддийском пантеоне Хаягрива является *дхарампалой* – одним из самых могущественных защитников учения Будды. Эта мифологическая подоплека играет очень важную роль в связи с ритуалами пурпа, цель которых – преобразование враждебных буддийскому учению сил в защитников и проводников Дхармы (рис. 2).

В буддийской практике существует большая группа пурпа, у которых рукоять и навершие представляют собой скульптурное изображение божества. В собрании Музея Востока имеется очень интересный образец такого кинжала (инв. № 8337 II). Непосредственно к клинку Т-образной формы примыкает миниатюрная рельефная композиция в виде тантрического трехликого многорукого божества в объятиях со своей духовной супругой-прадждней. Множество примеров таких пурпа описывает Дж.К. Хантингтон. Вместо рукояти на этих кинжалах поме-

щается фигура божества с одной или шестью парами рук, причем пара рук на переднем плане сжимает миниатюрный пурпа, или голову своей супруги, как мы это видим на нашем музейном образце (рис. 3).

Рис. 2. Кинжал пурпа. Тибет. XIX в. Бронза, литье, гравировка, инкрустация, дл. 25 см. ГМБ № 17452 I

Рис. 3. Кинжал пурпа. Тибет. XVIII – начало XIX в. Металл, литье, ковка, дл. 11 см. ГМБ № 8337 II

Из этой группы кинжалов можно особо выделить пурпа с рукоятью в виде гневного трехликого божества в короне из черепов. Как правило, за спиной божества имеются крылья. Все это является основными признаками Ваджракилы (Ваджракилаи или Ваджракумары) – на сегодняшний день главного идама⁸ школы ньингма. В «Словаре буддий-

ской иконографии» Локеш Чандра определяет Vajrakīla (тиб. rdo gje rhuḡ bu) как «обожествление магического кинжала kīla» (Chandra 2004: 3980). Если это так, то мы можем говорить, что в данном случае первоначально оккультный предмет, не имеющий строго определенной иконографии, постепенно с развитием ритуалистики ваджраяны приобретает собственные канонические формы и культовую практику в качестве образа для медитации. Подтверждением этого является гораздо более широкое распространение живописных икон-тханга с изображением Ваджракилы, чем кинжалов пурпа. Интересно, что образ Ваджракилы довольно близок к иконографическим изображениям Хаягривы (его также часто изображают с крыльями), но только у Ваджракилы вместо ног обычно бывает трехгранный клинок (рис. 4).

Рис. 4. Ваджракила. Тибет. XIX в. Холст, минеральные краски, 64×50 см. ГМБ № 15059 I

Если антропоморфные изображения на ритуальных кинжалах поддаются какому-то логическому объяснению, то гораздо сложнее идентифицировать и определить ритуальное предназначение пурпа с зооморфными фигурами или с изображениями каких-то существ, не относящихся ни к миру богов-людей, ни к животному миру, как, например, в случае с пурпа из музейной коллекции № 17242 III. Этот кинжал выполнен из дерева и раскрашен масляной краской. Длина клинка намного превышает длину рукояти с навершием (как правило, они имеют примерно одинаковую длину, или даже клинок может быть меньше рукояти). Рукоять состоит из гладкого короткого цилиндра, слегка выступающего кольца и сферы, над которой помещена белая голова некоего существа с открытым красным ртом, выступающими зубами, широко расставленными глазами и небольшими острыми ушами. Так в буддийской иконографии обычно изображают обитателей мира претов – «голодных духов». Гладкий череп существа венчает массивная пятилучевая ваджра, что позволяет отнести данный атрибут именно к буддийскому, а не шаманскому ритуальному арсеналу (рис. 5).

Рис. 5. Кинжал пурпа. Забайкалье. Начало XX в.
Дерево, резьба, роспись, дл. 43,5 см. ГМБ № 17242 III

Некоторое единообразие оформления можно отметить лишь среди пурпа с навершием в виде головы Хаягривы; на сегодняшний день это наиболее часто встречающиеся кинжалы. Вся остальная масса вариантов этого ритуального атрибута практически не поддается какой-либо классификации, и потому, пожалуй, главный вывод из предпринятого обзора может заключаться в следующем: иконографические особенности кинжалов пурпа свидетельствуют о том, что эти предметы не име-

ют четких изобразительных рамок и мало связаны с каноничными изображениями персонажей буддийского пантеона.

Ритуальная практика

Предназначение ритуального кинжала пурпа в широком смысле – преодоление препятствий, которые мешают достижению намеченных целей. Помехи и преграды на житейском уровне – болезни, неурожай, стихийные бедствия, физические враги и другие жизненные обстоятельства, возникновение которых тибетцы издревле связывали с вредоносным влиянием разного рода духов. Другой уровень препятствий – ментальный, т.е. совокупность личностных характеристик практика, которые мешают ему продвигаться по пути Дхармы (ненависть, страсть, неведение и все прочее), а также пагубное влияние внешних сил, искушения и иллюзии, насылаемые злыми духами (Мара=Рудра). Способы преодоления препятствий различны: уничтожение, подчинение или преобразование негативного влияния.

В настоящее время ритуальная практика пурпа распространена главным образом в Тибете, Бутане и Непале, причем в долине Катманду ее активно используют шаманы и буддийские священники тибето-бирманских этнических групп (таманг, гурунг, невари, лимбу, магар, рай, тхакали), а также тибетские уроженцы Непала и Индии (бхотии, шерпа). Пурпа, по свидетельству К. Мюллер-Эбелинг, К. Рэча и С.Б. Шахи, «является центром шаманской вселенной». Без него не обходится ни одно ритуальное действие, причем любой продолговатый предмет, поставленный вертикально (свернутый бамбуковый лист, рог козы, бамбуковый посох, даже алтарная ваза), может восприниматься как пурпа (Müller-Ebeling et al. 2002: 10).

Схема основного ритуала довольно проста и является почти универсальной для всех практиков. Вот как ее описывает Дж.К. Хантингтон, получивший информацию от учителя школы гелук: после выбора предписанного местоположения священник помещает равнобедренный треугольник, сделанный из железа, напротив себя. Он служит «тюремным заключением» для духа человека или явления, на которое должен действовать пурпа. В зависимости от назначения ритуала треугольник защищают по четырем, восьми или десяти сторонам (кардинальные направления, кардинальные и промежуточные направления или кардинальные и промежуточные направления плюс зенит и надир) «маленькими» пурпа. Вероятно, именно к таким предметам относится миниатюрный костяной пурпа из коллекции Музея Востока (инв. № 6487 II). На его рукояти в форме куба с четырех сторон изображены тигр, гаруда, снежный лев и дракон⁹. Малые пурпа и железный треугольник не всегда доступны, и тогда их функцию заменяют словесными заклина-

ниями. Но в обоих случаях желательно и вообще считается более эффективным, если присутствуют настоящие предметы. Для помещения духа человека или явления в треугольник используется декламация определенных мантр, выкрикивание заклинаний, рисунки с изображением скованных человеческих фигур, листки бумаги с именами людей или духов, которых хотят поместить в треугольник, или ранее собранные их личные вещи: частицы одежды, волос, срезанные ногти и т.д. Когда дух надежно закреплен в треугольнике, ему наносится удар практиком пурпа и собранные материалы в треугольнике грунтуются наконечником орудия (Huntington 1975: 5) (рис. 6).

Рис. 6. Кинжал пурпа. Тибет. XIX – начало XX в.
Слоновая кость, резьба, дл. 7,5 см. ГМВ № 6487 II

Приблизительно также описывается ритуал «освобождающего убийства»¹⁰ (тиб. *sgrol ba*), которому, как заметили К. Кантвелл и Р. Майер, в исследованных ими текстах из Дуньхуана придается особое значение.

Это известный ритуал Махайогатантры¹¹, которая по сей день остается главной в традиции ньингма. Суть ритуала состоит в тщательно подготовленном собирании злых сил в рамки ритуального изображения, в которое затем наносится удар, выпускающий сознание жертв(ы) в область будд. Центральная функция обряда «освобождающего убийства» – прямое разрушение основного врага – невежества – с помощью ритуальных и умозрительных действий. Как правило, это влечет за собой расширение насильственных методов жертвенно-экзорцистского ритуала до более глубоких внутренних сотериологических целей освобождения собственного ума, так же как других «злых духов» невежества. В то же время такое сотериологическое изгнание нечистой силы часто продолжает сохранять свои обычные внешние экзорцистские коннотации как вторичную цель, но теперь полностью подчиненную и в доктрине, и в литургии по большей части сотериологической цели. В ритуале пурпа экзорцистские действия уничтожения изображения представляют нападение на невежество введенного в заблуждение верующего и возвращение его к истине. Это делается с помощью соответственно посвященного пурпа, воплощающего мудрость всех будд, через которую невежество «освобождено» в мудрость. Во всех этих отношениях пурпа обряды из Дуньхуана и современные традиции очень похожи (Cantwell, Mayer 2008: 7). К документам сотериологического содержания авторы относят тексты IOL Tib J 331.III и IOL Tib J 754, раздел 7.

Однако большая часть документов из Дуньхуана, как отмечают К. Кантвелл и Р. Майер, посвящены ритуалам пурпа, которые описывают практические магические действия, направленные на достижение конкретных целей на бытовом уровне, иногда с некоторым намеком на возможность достижения просветления. К таким текстам, например, относятся два текстовых фрагмента PT 8 IOL и Tib J 491 – заклинания и способы нанесения удара с пурпа с целью подавления или отражения злых сил и магического влияния врагов; текст IOL Tib J 401, раздел 4, посвященный изгнанию с помощью пурпа духов, причинивших тяжелое психическое заболевание, и ряд иных.

В отдельную группу были выделены ранние тексты (XI в.) с описанием ритуалов пурпа, относящиеся к традиции *бон*, но они пока еще не переводились (Cantwell, Mayer 2008: 33).

Авторы приходят к выводу, что тексты конца X – начала XI в. содержат главным образом описание обрядов пурпа, связанных с практической магией. Но в некоторых источниках уже есть упоминания об использовании пурпа в сотериологических целях. Исследователям не удалось обнаружить в летописях Дуньхуана сколько-нибудь существенного и определенного доказательства наличия высших духовных практик, таких как медитация и визуализация с помощью пурпа идама

Ваджракилая Херука (тиб. *gdo rje phug pa*), что в настоящее время является основной частью именно буддийской пурпа-практики (Cantwell, Mayer 2008, 38).

Действительно, в современном буддийском мире культ пурпа главным образом развивается в рамках эзотерических течений. Однако в тех областях, где сохраняется влияние жречества бон или школы ньингма (например, Бутан, Сикким, Мустанг) или тибетские шаманские практики (Непал), ритуальный кинжал продолжают активно использовать для «бытовых» нужд: пурпа – характерное оружие для борьбы с диким яком; его используют для быстрой ходьбы (своеобразный способ бега и прыжков в состоянии транса по неровной каменистой местности); для ритуальных танцев; для духовного очищения мест и построек путем высасывания злых духов по принципу вакуумного пылесоса; для лечения и очищения пищи через шевеление или проливание жидкостей и зерен по лезвию кинжала (Marcotty 1987: 71; Müller-Ebeling et al. 2002: 55). Есть особые ритуальные кинжалы, предназначенные для влияния на погоду. В собрании Государственного Эрмитажа имеется любопытный образец пурпа с текстом заклинания, призывающего дождь (Обитель милосердия... 2015: 462–463). Кроме того, защита земли, которую осваивают люди для того, чтобы предотвратить вредоносное влияние духов-нагов, также осуществляется путем вбивания деревянных кинжалов в землю вокруг полей, палаток, домов, храмов, сакральных объектов.

Сфера применения кинжала пурпа в буддийских ритуалах в настоящее время сокращается, его продолжают использовать в основном практики ньингма, тибетские же шаманы в Непале, насколько можно судить из современной литературы (Müller-Ebeling et al. 2002), продолжают активно использовать это оружие во всех сферах своей деятельности.

О концепции индийского происхождения культа пурпа

Все исследователи культа пурпа сходятся во мнении, что этот предмет в качестве буддийского ритуального атрибута впервые начал использовать Падмасамбхава – один из 84 махасидх¹². Как свидетельствуют исторические хроники, он был приглашен царем Тибета Тисрондеценом в VIII в. по совету философа-миссионера Шантаракшиты для подавления «могущественных местных духов», которые препятствовали распространению буддизма в стране. Согласно традиции, он родился в царстве Уддияна (*Oddiyāna*). Б.И. Кузнецов, исследовавший источники по исторической географии, показал, что Уддияна «включала в себя восточную часть современного Афганистана и долину реки Сват», севернее стран Зан и Шаза-Лин-Кхрод, которые известны из ти-

бетских трудов по географии как области древней Индии (Кузнецов 1998: 20). Сюань-Цзан, описывая страну «Удьяну» отмечает, что здесь весьма «почтенным считается искусство заклинаний». (Александрова 2008: 195–196). Кроме того, Уддияна, находившаяся в пограничном районе между современными Афганистаном и Пакистаном, входила в зону распространения религии бон – это территория древнего государства Шан-Шунг, «простиравшаяся от Хотана на севере до Мустанга на юге и от Гилгита на западе до озера Намцо на востоке» (Андросов 2011: 131). Если так, то можно предположить, что Падмасамбхава был хорошо знаком с одним из важных атрибутов жрецов бон – ритуальным кинжалом пурпа, и, следовательно, успех его миссионерской деятельности был обусловлен тем, что с местными духами он боролся «местным» оружием – заклинаниями и магическим кинжалом.

Далее, все сторонники концепции «индийского» происхождения культа пурпа утверждают, что *kīla* – колышки или деревянные клинья – в качестве ритуального атрибута использовалась в Индии с ведических времен при выборе благоприятного места для мандалы и земли, пригодной для постройки (Beer 1999: 245–249), а также для защиты границ особо важных или сакральных объектов от влияния вредоносных духов (Boord 1993: 223; Cantwell, Mayer 2008: 27). Конечно, клиновидные палочки использовались в Индии с древних времен, но исключительно как техническое средство для разметки территории. Так, например, в Матсьяпуране¹³ в разделе по строительным ритуалам колышек *kīla* упоминается в связи с неблагоприятными приметами, которые могут сопровождать разметку плана мандалы: в случае разрыва шнура или падения колышка хозяину грозили болезнь или смерть (МП 256.21). Причем этот текст относится к периоду, когда культ пурпа активно внедрялся в буддийскую ритуальную практику (а в устной передаче эти наставления существовали еще раньше). Что же касается освобождения выбранного места от злых духов, то у древних индийцев был принципиально другой подход. Согласно текстам грихьясутр¹⁴ для ритуального «очищения» земли и умиротворения злых духов хозяину необходимо было в первую очередь избавиться от вредных растений, а затем трижды обойти выбранное место, окропляя его веткой дерева *шами* или *удумбара* (Ашвалаяна-грихьясутра II.8.II; Хираньякеши-грихьясутра I.27.I), или же просто подмести его метлой из дерева *шами* или *палаша* (Апастамба-грихьясутра VII.17.I). Более того, многочисленные заговоры Атхарваведы против нечистой силы, колдунов, колдовства, реальных врагов, стихийных несчастий и вообще против зла иногда сопровождаются использованием специальных трав или амулетов, но никогда не упоминается какой-либо ритуальный кинжал.

Такие, можно сказать, прямо противоположные взаимоотношения между миром людей и миром духов у индийцев и тибетцев объясняют-

ся особенностями природных условий, в которых проживают те и другие. Территория распространения культа пурпа включает в себя высокогорные районы с чрезвычайно суровыми природными условиями, где внешний мир представлялся человеку сплошь заселенным всякого рода капризными и злобными духами, умиротворить которых далеко не всегда удавалось с помощью подношений, часто требовалось более действенное оружие. И совсем не так окружающая действительность воспринимается в теплом равнинном климате, где можно снимать несколько урожаев в год и не существует постоянной угрозы человеческой жизни¹⁵. Кроме того, что нет никаких древних нарративных источников, в которых описывался бы индийский ритуал с *kīla*¹⁶, не существует ни одного материального образца ритуального кинжала, изготовленного в Индии. Все это, на мой взгляд, позволяет довольно уверенно говорить о том, что ритуальный кинжал пурпа не имеет индийского происхождения.

Сам кинжал по своей форме изначально ассоциировался с колышками для палатки – основного жилища кочевников. От того, насколько прочно будет установлена палатка, напрямую могла зависеть жизнь людей. Вбивая клин в землю, человек вторгался на территорию мира духов; и тем самым через этот колышек устанавливалась сакральная связь между людьми и духами, что придавало простому утилитарному предмету особую мистическую значимость. Получив статус самостоятельного ритуального предмета, колышек пурпа стал наделяться функциями божества, в чьей власти было воздействие на окружающих человека духов. Божество *Phug*, которое с помощью специальных обрядовых действий помещалось в кинжал еще на стадии его изготовления, в процессе дальнейшей эксплуатации в зависимости от целей практика, либо уничтожает, либо подчиняет, или же преобразует негативную «энергетику» (дух освобождается с точки зрения буддийской эзотерики). Тем самым подчиненный, преобразованный и освобожденный дух становится «сыном» божества *Phug-ra*, отсюда второе распространенное название ритуального кинжала «*phug-bu*», что в переводе с тибетского значит «сын *Phug*». С каждым последующим использованием пурбу добавляется больше силы, так что старые многократно используемые орудия часто считают «опасными» для всех, кроме самых продвинутых практиков (Huntington 1975: 36).

На сегодняшний день кинжалы пурпа в буддийских ритуалах используют только последователи школы ньингма, или школы «старых [переводов]», основателем которой был Падмасамбхава. В тот период (VIII в.) шла мощная ассимиляция местных тибетских культов в буддизме. В X–XI вв. практика пурпа уже получила достаточно широкое распространение в буддийском ритуале, о чем свидетельствуют многочисленные рукописи Дуньхуана. С развитием новых школ (сарма) ваджраяны необходимость в этом предмете постепенно отпадает, многие его функции принимает на себя более универсальное ритуальное

оружие – скипетр *ваджра*. Иконография пурпа постепенно приобретает черты божеств пантеона ваджраяны, а схема ритуальных действий обростаёт буддийской мифологической подоплёкой и приобретает соте-риологические цели.

Заключение

Рассмотрение имеющейся историографии позволило выявить ряд недостаточно проработанных аспектов анализа кинжала *пурпа*, одного из наиболее энigmatичных ритуальных атрибутов северного буддизма. Обращение к коллекциям Музея Востока и опубликованным текстам, в том числе ритуальным, дало возможность детально представить форму и иконографию кинжалов и уточнить предназначение и способы их использования в ритуальной практике. Будучи рассмотренными в едином ключе, представленные материалы позволяют нам усомниться в обоснованности распространённой в академическом дискурсе версии индийского происхождения ритуальной практики пурпа.

Примечания

¹ Ишвара (санскр. «господин, повелитель, бог») – в буддизме служит для обозначения могущественного, но не всесильного существа.

² Алекс Вейман отвергает такую интерпретацию слова «пурбу» и на основании лингвистических изысканий с использованием санскритских параллелей приходит к выводу, что форма *phug-bu* возникла «из-за путаницы [в санскритском и тибетском языках] с названием планеты Юпитер» (Wauman 1981: 79).

³ Бон – древняя автохтонная религия тибетцев; в настоящее время представляет собой одну из школ тибетского буддизма.

⁴ Ньингма (тиб. «старая, древняя») – традиция ранних переводов санскритских текстов и связанная с ней школа ваджраяны, основанная в конце VIII в. Падмасамбхавой.

⁵ Например, культ пурпа, по мнению авторов, восходит к индуистской традиции шивалингам (Müller-Ebeling et al 2002: 10), а форма пурпа непонятно, каким образом, «вышла из тришула» – трезубца Шивы (15).

⁶ Гелук (тиб. «благой закон») – школа тибетского буддизма, основанная Цонкапой в начале XV в.

⁷ Дж. Мередит (Meredith 1967) ошибочно полагает, что на всех пурпа в качестве навершия клинка изображается голова гаруды.

⁸ Идам – образ в медитативной практике, божество-покровитель.

⁹ Тигр, гаруда, снежный лев и дракон символизируют качества или достоинства персонажа тибетской мифологии лунгта (тиб. «конь ветра»). Флаги с их изображениями развешиваются около всех сакральных объектов на территории распространения буддизма ваджраяны.

¹⁰ Т. Маркотти отмечает, что в буддийских ритуальных тестах, посвящённых культу пурпа, слово «убить» (*bsad*), как правило, заменяется словом *sgrol* (тиб. «освободить») (MacCottly 1987: 4). А в рукописях Дунхуана редко используется термин «*sgrol*», чаще встречается другое слово в значении «освобождение» (тиб. *thar pa*) – преобразование или перенос (Cantwell, Mayer 2008: 6).

¹¹ Махайога – первая из трёх внутренних тантр согласно девятиричной классификации школы ньингма.

¹² Махасиддха (санскр. «великий [совершенный] провидец») – в северном буддизме йогин, предпочитающий совершенствоваться вне стен монастыря, порывая с традиционными нормами поведения – и монашескими и мирскими (Андросов 2011: 285).

¹³ Строительным ритуалам в Матсьяпуране посвящены главы 252–257 и 267–270, которые Р. Хазра датирует с 650 по 1000 гг. н.э. и 550–560 гг. н.э. соответственно (Hazra 1940: 47–48).

¹⁴ Грихьясутры – тексты о домашних обрядах, которые совершал сам домохозяин, большинство их относится к середине – второй половине I тыс. до н.э.

¹⁵ Возможно, из-за других условий проживания и, соответственно, другого мировосприятия, культ пурпа не получил такого распространения в Монголии и Бурятии.

¹⁶ Единственная ссылка М.Дж. Бурда на отрывок из «Атхашастры» (XIV.3.70–72) в качестве санскритского источника по Kīlanavidhī вообще не может приниматься в расчет, учитывая, во-первых, назначение трактата Каутильи, а во-вторых, собственно текст отрывка, где среди прочих магических действий для нанесения ущерба врагу упоминается способ с использованием заточенной палочки «из костей человека, напоровшегося на кол» (Boord 2002: 3).

Список сокращений

ГМВ – Государственный музей Востока

МП – Матсьяпурана

Литература

- Александрова Н.В.* Путь и текст: китайские паломники в Индии. М.: Вост. лит., 2008.
- Андросов В.П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011.
- Кузнецов Б.И.* Древний Иран и Тибет. История религии бон. СПб.: Евразия, 1998.
- Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма: каталог выставки // Государственный Эрмитаж. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015.
- Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. М.: Наука, 1986. Вып. 6.
- Beer R.* The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs. Boston, 1999.
- Boord M.J.* The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba). Nring: The Institute of Buddhist studies, 1993.
- Boord M.J.* A Bolt of Lightning from the Blue. Berlin, 2002.
- Boord M.J.* A Roll of Thunder from the Void. Berlin, 2011.
- Boord M.J.* Gathering the Elements. The Cult of the Wrathful Deity Vajrakīla (Vajrakīla Texts of the Northern Treasures Tradition, Volume 1). 2013.
- Chandra L.* Dictionary of Buddhist Iconography. New Delhi (Aditya Prakashan), 2004. Vol. 13.
- Cantwell C., Mayer R.* Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang. Wien, 2008.
- Guenther H.* Review of the Cult of the Deity Vajrakīla // Journal of the American Oriental Society. 1997. № 117/3. P. 620–621.
- Hazra R.C.* Purāṇic records on hindu rites and customs. Dacca, 1940.
- Huntington J.C.* The Phur-pa, Tibetan ritual daggers. Ascona, 1975.
- Marcotty T.* Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult: reflection and materials. Delhi, 1987.
- Meredith G.* The Phurbu: The Use and Symbolism of the Tibetan Magic dagger // History of Religions, 1967. Vol. VII, No. 3. P. 236–253.
- Müller-Ebeling C., Rättsch C., Shahi S.B.* Shamanism and Tantra in the Himalayas / Trans. by A. Lee. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2002.
- Wayman A.* Notes on the Phur-bu // Journal of the Tibet Society. University of Cambridge. 1981. Vol. 1. P. 79–84.

Статья поступила в редакцию 27 февраля 2018 г.

Alfonso Nonna G.

THE BUDDHIST RITUAL DAGGER 'PHURPA'

DOI: 10.17223/2312461X/21/10

Abstract. On the basis of a detailed examination of available historiographic materials, the author reveals a number of understudied aspects in the analysis of the phurpa dagger, one of the most enigmatic ritual attributes of northern Buddhism. An overview of the collection of the State Museum of Oriental Art (Moscow) and ritual texts provide an opportunity for a thorough study of forms and iconography of daggers and help clarify the purpose and methods of their use in ritual practice. Consideration of the materials presented in a coherent manner made it possible to express doubts about the Indian origin of the ritual phurpa practice.

Keywords: ritual dagger, Phur pa, Phur bu, Vajrayana, Bon, shamanism, Padmasambhava, Dunhuang, kīla

References

- Aleksandrova N.V. *Put' i tekst: kitayskie palomniki v Indii* [The way and text: Chinese pilgrims in India]. Moscow: Vost. lit., 2008.
- Androsov V.P. *Indo-tibetskiy buddizm. Entsiklopedicheskiy slovar': monografiya* [Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopaedic dictionary: monograph]. Moscow: Orientaliya, 2011.
- Kuznetsov B.I. *Drevniy Iran i Tibet. Istoriya religii bon* [Ancient Iran and Tibet. The history of Bon religion]. St. Petersburg: Evraziya, 1998.
- Obitel' miloserdiya. Iskusstvo tibetskogo buddizma: katalog vystavki* [Abode of mercy. The Art of Tibetan Buddhism: an exhibition catalog]. Gosudarstvennyy Ermitazh. St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. 2015.
- Rerikh Yu.N. *Tibetsko-russko-angliyskiy slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English dictionary with Sanskrit parallels]. Vol. 6. Moscow: Nauka, 1986.
- Beer R. *The Encyclopedia of Tibetan Symbols and Motifs*. Boston, 1999.
- Boord M.J. *The cult of the deity Vajrakīla. According to the Texts of the Northern Treasures Tradition of Tibet (Byang-gter phur-ba)*. Nring: The Institute of Buddhist studies, 1993.
- Boord M.J. *A Bolt of Lightning from the Blue*. Berlin, 2002
- Boord M.J. *A Roll of Thunder from the Void*. Berlin, 2011
- Boord M.J. *Gathering the Elements. The Cult of the Wrathful Deity Vajrakīla (Vajrakīla Texts of the Northern Treasures Tradition, Volume 1)*. 2013.
- Chandra L. *Dictionary of Buddhist Iconography*. Vol. 13. New Delhi (Aditya Prakashan), 2004.
- Cantwell C., Mayer R. *Early Tibetan Documents on Phur pa from Dunhuang*. Wien, 2008.
- Guenther H. Review of the Cult of the Deity Vajrakīla, *Journal of the American Oriental Society*, 1997, no. 117/3, pp.620-621.
- Hazra R.C. *Purāṇic records on hindu rites and customs*. Dacca, 1940.
- Huntington J.C. *The Phur-pa, Tibetan ritual daggers*. Ascona, 1975.
- Marcotty T. *Dagger blessing: The Tibetan Phurpa cult: reflection and materials*. Delhi, 1987.
- Meredith G. The Phurpu: The Use and Symbolism of the Tibetan Magic dagger, *History of Religions*, 1967, vol. VII, no.3, pp. 236-253.
- Müller-Ebeling C., Rättsch C., S.B. Shahi. *Shamanism and Tantra in the Himalayas*. Trans. by A. Lee. Rochester, Vt.: Inner Traditions, 2002.
- Wayman A. Notes on the Phur-bu, *Journal of the Tibet Society*. University of Cambridge. Yale, 1981, Vol. 1, pp. 79-84.